

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-40-54
EDN: PQSLND

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕПАТРИАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

Воробьева О. Д.^{1,2}, Субботин А. А.^{1*}

¹МГУ имени М. В. Ломоносова

(119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1)

²ИСД ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корпус 1)

*E-mail: aasubbotin@yahoo.com

Финансирование:

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ (проект № 24–28–01328). – URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01328/>.

Для цитирования:

Воробьева О.Д., Субботин А.А. Интегральная типология репатриационного потенциала России // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 1. – С. 40-54. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-1-40-54; EDN: PQSLND

Аннотация. Актуальность исследования связана с современными демографическими вызовами России (депопуляция населения, отток квалифицированных кадров и другие). В этих условиях особое значение приобретает изучение репатриации как источника восполнения человеческого капитала. В статье обосновывается необходимость разработки новой комплексной типологии мигрантов-репатриантов для оценки и активизации их репатриационного потенциала. Проведён обзор отечественных и зарубежных исследований в области репатриации, показаны ограничения узких классификаций, фокусирующихся лишь на отдельных аспектах (правовой статус, продолжительность пребывания за границей, мотивы отъезда или возвращения). Проведённый анализ позволил выявить пробелы в существующих подходах и определить ключевые параметры, которые необходимо учитывать при изучении феномена репатриации. Особое внимание уделено комплексному рассмотрению факторов, влияющих на готовность к возвращению. Выявлено, что для успешной реализации программ возвращения эмигрантов, их потомков, соотечественников необходима интегральная классификация, учитывающая одновременно мотивацию мигрантов, их ресурсы (человеческий, социальный, экономический капитал), правовые возможности и условия жизни за рубежом. В работе предлагается авторская типология мигрантов-репатриантов на основе 13 взаимодополняющих критериев, охватывающих их ключевые характеристики. Каждый критерий обоснован с точки зрения влияния на вероятность возвращения и успешную реинтеграцию на родине. Полученные результаты расширяют теоретические представления о структуре репатриационных процессов и могут служить основой для разработки аналитических и прогностических инструментов в данной сфере, могут быть использованы при дальнейшем изучении и разработке подходов к оценке и прогнозированию репатриационного потенциала России.

Ключевые слова: международная миграция, возвратная миграция, репатрианты, репатриационный потенциал, типология мигрантов, диаспора, миграционная политика.

Введение

Вопросы международной миграции, и особенно возвратной миграции, в последние десятилетия приобрели особую значимость для многих государств, столкнувшихся с демографическим спадом и утечкой квалифицированных трудовых ресурсов. С одной стороны, страны конкурируют за привлечение новых иммигрантов, с другой — предпринимают усилия по возвращению эмигрантов, их потомков, соотечественников, проживающих за рубежом. В России и других государствах постсоветского пространства проблема оттока населения стоит особенно остро ввиду миграционных процессов, следовавших за распадом СССР¹. По оценкам экспертов, за пределами России в настоящее время находится от 10 до 40 млн русскоговорящих мигрантов и их потомков [1]. Это обстоятельство открывает для страны значительный репатриационный резерв, однако для его эффективной реализации необходимо четкое понимание того, кто именно из этих мигрантов может быть заинтересован в возвращении. Методики оценки «миграционного потенциала» разрабатывались и ранее [2], но применительно к репатриации они фрагментарны и ограничены количественными показателями (основываются на численности диаспоры или числе обладателей гражданства РФ за рубежом). Подход, ориентированный только на числа, не отражает реальной готовности и способности мигрантов к возвращению. В результате разные исследования дают очень разбросанные оценки масштаба возможной репатриации, что затрудняет формирование взвешенной государственной политики в этой сфере [1]. Так, государственная Программа содействия переселению соотечественников, стартовавшая в 2007 г., не дала ожидаемых результатов по притоку возвращающихся мигрантов² [3–5].

¹ Лукин И., Мезенцев Д. Явление миграционного кризиса 1990-х годов и его последствия // Научно-популярный журнал «ИКСТАТИ». – 2023. – URL: <https://spb.hse.ru/ixtati/news/818012614.html> (дата обращения: 20.07.2025).

² Габдуллина Э. Переселение откладывается // Коммерсантъ. 12.02.2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6508071> (дата обращения: 20.07.2025).

Причины низкой результативности таких программ во многом кроются в отсутствии целевого подхода к различным группам потенциальных репатриантов. Доминировавшие до сих пор подходы оценивали репатриационный потенциал только по наличию формальных предпосылок (гражданство, статус соотечественника) или по общему количеству выходцев из страны³. Однако не каждый обладатель формального права на возвращение действительно стремится или может вернуться. Вместе с тем, некоторые мигранты без российского гражданства также могут быть мотивированы к переезду на историческую родину. Следовательно, возникает потребность в более тонкой градации мигрантов-репатриантов с точки зрения их заинтересованности и возможностей репатриации.

Для России, испытывающей потребность в притоке населения и кадров, управляемая репатриация способна стать важным ресурсом демографического развития [6], но её реализация требует научно обоснованного инструментария. Разработка комплексной типологии мигрантов-репатриантов позволяет идентифицировать приоритетные категории потенциальных репатриантов за рубежом, на которых следует ориентировать государственные меры по их возвращению. Кроме того, такая типология может быть применена и в других постсоветских странах, сталкивающихся с аналогичными миграционными вызовами. Целью настоящего исследования является разработка и обоснование интегральной типологии репатриантов, предназначенной для оценки репатриационного потенциала. Для достижения этой цели в работе: 1) проанализированы существующие теоретические подходы к типологии мигрантов-репатриантов и их недостатки; 2) предложена авторская типология репатриантов на интегральной основе; 3) изучен интеграционный ресурс различных категорий мигрантов и факторы, влияющие

³ Руководство по использованию административных источников и выборочных обследований для измерения международной миграции в странах СНГ. – Москва: МГУ, 2016. – URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=39715&p=attachment> (дата обращения: 20.07.2025).

на успешное возвращение; 4) разработаны подходы к количественной оценке репатриационного потенциала на основе новой классификации.

Предпосылки и обоснование разработки типологии

Необходимость новой типологии мигрантов-репатриантов обусловлена недостатками существующих подходов к оценке репатриационного потенциала. Рассмотрим основные ограничения прежних подходов. Во-первых, правовой подход часто сводился к учёту формальных оснований для репатриации — наличия у мигранта российского гражданства либо особого статуса (например, статуса соотечественника за рубежом). Безусловно, юридическая связь с родиной важна, однако она не гарантирует возвращения. Более того, даже мотивированный соотечественник может столкнуться с бюрократическими барьерами — оформление необходимых документов требует значительного времени и усилий⁴. Ю. П. Ясилевич обращает внимание, что миграционный статус «носителя русского языка» не оправдал возлагавшихся надежд именно из-за сложностей его получения и недостаточной привлекательности для целевой аудитории [7]. Таким образом, формально-правовые основания сами по себе недостаточны для оценки репатриационного потенциала мигрантов.

Во-вторых, количественные оценки диаспоры (число выходцев из страны, проживающих за рубежом) также не дают прогноза возврата. Подход не различает активную часть диаспоры, заинтересованную в переезде, и пассивную, не планирующую изменений. В результате суммарные оценки получаются завышенными. Как отмечают исследователи, механическое приравнивание численности диаспоры к потенциальным репатриантам приводит к переоценке ресурсов возвращения. Например, К. Зайка указывает на односторонность чисто количественного подхода к анализу мигра-

ции [8]. Сходную позицию занимает М. Бойсариев, рассматривая эволюцию понятия «диаспора» и отмечая, что не всякое диаспорное сообщество стремится к воссоединению с исторической родиной⁵. И. Д. Лошкарёв в контексте политологических исследований диаспор также подчёркивает, что численный рост диаспоры не эквивалентен росту её тяги к возвращению на родину [9].

В-третьих, мотивационный подход некоторых исследований односторонне фокусировался на причинах миграции или отдельных мотивах возвращения. Такой подход, напротив, может занижать реальный потенциал, поскольку опирается лишь на заявленные намерения, не учитывая возможностей государства поддерживать эти намерения. Мотивационные опросы показывают, что лишь небольшая доля диаспоры активно планирует возвращение, однако при изменении внешних условий (экономических, политических) число готовых вернуться может возрасти. Кроме того, мотивации со временем меняются. Одноразовое фиксирование настроений мигрантов не учитывает, что благоприятная политика государства способна стимулировать дополнительный интерес к репатриации у тех, кто ранее не рассматривал такой шаг. Таким образом, одна лишь декларируемая мотивация не даёт полной картины без учёта контекста и ресурсов её реализации.

Наконец, существующие классификации разбивают мигрантов на отдельные категории по одному признаку без комбинации факторов. Реальные люди одновременно обладают многими характеристиками: мигрант может быть молодым высококвалифицированным специалистом и при этом потомком эмигрантов, слабо владеющим русским языком, и проживать в стране с неблагоприятной экономической ситуацией. Различия между мигрантами-репатриантами существуют по целому спектру параметров. Только принимая во внимание совокупность факторов, можно выявить группы, для которых возвращение наиболее вероятно и целесообразно.

⁴ Получение статуса репатрианта в РФ. — URL: <https://russianroute.com/poluchenie-statusa-repatrianta-v-rf/> (дата обращения: 20.07.2025).

⁵ Бойсариев М. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. // Общество и инновации. — 2020. — № 1. — С. 106–122.

Разработка интегральной типологии призвана устранить указанные пробелы, выявив и объединив ключевые параметры в единой системе оценки. Такой подход позволит создать инструмент анализа для активизации репатриационного потенциала.

Существующие подходы к типологии мигрантов-репатриантов

Традиционно в исследованиях рассматриваются типы репатриации по причинам и обстоятельствам: выделяют политическую репатриацию (нередко недобровольную, вынужденную под давлением государства), экономическую, социальную и культурную репатриации. Также типологизация может вестись по степени окончательности возвращения (окончательное переселение и временные возвращения), по статусу мигранта (например, трудовой мигрант, беженец, этнический репатриант), по длительности пребывания за рубежом, по уровню адаптации в стране пребывания, по причинам возвращения (семейные обстоятельства, патриотические мотивы, неудачная эмиграция). Каждый из этих подходов даёт ценную перспективу, но охватывает лишь один срез явления.

Л. Л. Рыбаковский предпринял одну из самых подробных систематизаций видов миграции вообще, предложив классификацию оснований и таксонов миграционных перемещений [10]. В частности, он затрагивал и вопрос репатриации. В своей фундаментальной работе «История и теория миграции населения» Л. Л. Рыбаковский выражал мнение, что термин «репатриант» употребляется не совсем корректно и размыто [11]. Он предлагал различать собственно репатриацию (как возвращение, инициируемое государством, часто организованное) и реэмиграцию (как самостоятельное возвращение мигрантов по личным причинам). Такая точка зрения акцентирует важность мотивации и акторов процесса: возвращается ли человек по призыву правительства (например, программа для соотечественников) или по собственной инициативе. Это разграничение полезно, однако само по себе не описыва-

ет, кто именно возвращается и с какими ресурсами.

Российские специалисты по миграции С. В. Рязанцев и А. А. Гребенюк в монографии «Наши за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию» поставили вопрос терминологии: кого именно следует считать целевой группой государственной политики возвращения — «русских» по этническому признаку, всех «россиян» (граждан), «русскоговорящих за рубежом». Или целесообразнее использовать более общее понятие «соотечественники»? [12]. Авторы пришли к выводу, что это различные категории, отождествлять которые неправильно. В практике госорганов зачастую все эти группы объединяются понятием «соотечественники», что затрудняет разработку специальных мер для каждой из них.

Многие исследователи стремятся выработать классификации под конкретные задачи. Например, О. И. Зевелёва в работе, посвящённой репатриации российских немцев в ФРГ, применила сочетание биографического метода и дискурс-анализа для типологизации траекторий возвращения⁶. Она выделила типы репатриантов на основании их жизненных историй и самоидентификации, что позволило глубже понять мотивы и сложности интеграции переселенцев из бывшего СССР в немецкое общество. Однако такая типология весьма специфична (применима главным образом к контексту российских немцев).

Другой пример — исследование М. П. Ковалева по современной репатриации поляков из России. Он предложил разграничивать макро- и микро-подходы к анализу: на макроуровне возврат рассматривается через призму экономических причин (состояние экономики страны исхода и страны приёма, спрос на рабочую силу), тогда как на микроуровне — через призму индивидуальных решений и семейных стратегий [13]. При этом микро-подход (социологиче-

⁶ Зевелёва О. И. Дискурсивно-биографический подход в исследованиях репатриации (на примере российских немцев в Германии): дисс. на соискание учёной степени канд. социологических наук. — Москва, 2015. — 210 с.

ский) назван более перспективным для понимания репатриации, поскольку он учитывает мотивацию конкретных людей (например, стремление воссоединиться с родственниками на исторической родине) помимо общих экономических тенденций. Тем не менее, разделение на макро/микро не даёт цельной типологии групп мигрантов, а лишь два уровня анализа причин.

Т. М. Безбородова и И. С. Метелев предложили различать историческую классификацию миграций (по эпохам переселений) и мотивационную (по основным мотивам) [14]. Применительно к репатриантам исторический подход мог бы, например, разделить их на группы по времени эмиграции их самих или предков (волны эмиграции), а мотивационный — по провоцирующим факторам возвращения (патриотические, экономические, семейные и другие). Однако и здесь каждое основание рассмотрено изолированно. Авторы отмечают, что исследователи чаще концентрируются на причинах отъезда (эмиграции), чем на мотивах возвращения. Этот дисбаланс оставляет в тени очень важный вопрос: что движет людьми при принятии решения вернуться спустя годы жизни за рубежом? Кроме того, если человек уехал по одной причине, а возвращается по другой, он не впишется полностью ни в «чистую» мотивационную категорию отъезда, ни возвращения.

Отдельные исследования, такие как работа Г. И. Осадчей и М. Л. Варгановой, оценивают экономический потенциал отдельных диаспор (например, вклад армянской диаспоры в экономику России) [15]. Эти исследования показывают, сколь велика может быть отдача от привлечения соотечественников, но данная составляющая в них если не единственная, то основная. Можно сделать вывод, что существующие типологии репатриантов, как правило, узкоспециализированы и не охватывают феномен в комплексе. Нет интегрального представления, которое сочетало бы демографический, социально-экономический, культурный и политико-правовой аспекты репатриации. В результате трудно сопоставлять разные исследования между собой и слож-

но давать рекомендации властям, заинтересованным в возвращении эмигрантов и их потомков: слишком много разрозненных частностей, но нет единой схемы.

В мировой науке также предпринимались попытки теоретически осмыслить возвращение мигрантов. Так, классической считается типология Ф. П. Черазе, выделившего четыре типа возвращения эмигрантов: возвращение по неудаче (return of failure), возвращение из консерватизма (стремление сохранить привычный уклад), возвращение по старости (пенсионное), и возвращение с новациями (return of innovation) [16]. Последний тип, по наблюдениям Ф. П. Черазе, наиболее полезен для страны, так как возвращенцы привносят инновационный опыт и капитал, приобретённые за рубежом. Хотя данная типология была основана на кейсе итальянских мигрантов 1960–1970-х гг., она показала значимость анализа мотивов и результатов возвращения. Другой исследователь, Ж.-П. Кассарино, предложил концептуальный подход, согласно которому успешность возвращения зависит от двух ключевых параметров: «готовности» мигранта (preparedness) вернуться и мобилизации ресурсов для реинтеграции [17]. Готовность включает желание и планирование возврата, а ресурсная обеспеченность — накопленный человеческий, социальный и финансовый капитал, а также поддержку институций. Ж.-П. Кассарино подчёркивает, что только учитывая оба этих измерения (внутреннюю мотивацию и внешние ресурсы), можно объяснить, почему одни репатрианты становятся «агентами перемен» на родине, а другие нет. Эти подходы указывают на необходимость многомерного рассмотрения феномена репатриации, когда ни один критерий в отдельности не даёт полного понимания ситуации.

Интегральная типология мигрантов-репатриантов: критерии и обоснование

Исходя из выявленных теоретических предпосылок, нами разработана интегральная типология мигрантов-репатриантов, включающая 13 значимых критериев клас-

сификации. Эти критерии отражают наиболее важные характеристики мигрантов, влияющие на их потенциал вернуться и успешно реинтегрироваться на родине. В совокупности они позволяют всесторонне описать репатриационный портрет различных категорий представителей русскоговорящего сообщества и их потомков за рубежом. Основные критерии: 1) продолжительность проживания за границей; 2) степень интеграции в принимающем обществе; 3) возрастная группа; 4) семейное положение; 5) профессионально-квалификационный уровень; 6) социально-экономический статус (занятость, род деятельности); 7) наличие детей и связанные с этим образовательные перспективы; 8) экономическая ситуация в стране пребывания мигранта; 9) миграционная политика страны пребывания; 10) географический регион проживания; 11) этнокультурная идентичность; 12) правовой статус мигранта в стране пребывания; 13) уровень владения русским языком. Все приведённые критерии касаются ситуации в стране фактического проживания и не рассматривают обстоятельства и стимулы страны возвращения, исходя из того, что не существует препятствий для возвращения. Важно подчеркнуть, что критерии являются взаимодополняющими: только рассмотрение их в комплексе даёт целостную картину. Например, продолжительность пребывания за рубежом связана со степенью адаптации, а уровень владения языком — с этнокультурной идентичностью; семейное положение связано с наличием детей, что, в свою очередь, определяется возрастной группой, и так далее.

Опишем кратко критерии и обоснуем их значимость в контексте репатриации.

1. Продолжительность проживания за рубежом: мигранты делятся на новосёллов (до 3 лет за границей), краткосрочных (4–7 лет), среднесрочных (8–15 лет) и долгосрочных (более 15 лет). Чем дольше человек живёт за границей, тем глубже его интеграция в принимающее общество [19]. Соответственно, меняются и мотивы для возвращения: новосёлами зачастую движет

ностальгия, трудности адаптации или разочарование в чужой стране; краткосрочные мигранты могут вернуться к привычной среде при улучшении ситуации в стране; мигранты со средним стажем поддерживают семейные, культурные или исторические связи с родиной; долгосрочные же, как правило, решаются возвратиться на историческую родину из личных соображений (пенсионные планы, желание встретить старость среди близких и т.д.).

2. Успешность интеграции за рубежом: выделяются высокоинтегрированные мигранты (имеют устойчивую карьеру, прочные социальные связи), частично интегрированные (работают на менее престижных работах, ограничены в социальных контактах) и неинтегрированные (испытывают трудности с адаптацией, заняты в низкооплачиваемых секторах или безработные). Степень интегрированности определяет и характер возвратных мотивов: высокоинтегрированных могут привлечь новые карьерные возможности на родине и желание внести вклад в её развитие; частично интегрированные стремятся улучшить профессиональный статус и найти более стабильную работу; неинтегрированные вынуждены возвращаться из-за отсутствия перспектив за рубежом.

3. Возраст: молодёжь (18–35 лет), средний возраст (36–55 лет), предпенсионный возраст (56–72 года) и пожилые (старше 72 лет). Каждая группа имеет свои жизненные приоритеты и мотивы репатриации. Молодые чаще ориентированы на карьерные возможности, получение образования и участие в инновационных проектах; люди среднего возраста — на обеспечение стабильности для семьи и детей; многие из тех, кому 56–72, хотят вернуться перед выходом на пенсию, чтобы провести её на родине и передать свой опыт.

4. Семейное положение. У одиночек меньше семейных обязательств, они более мобильны и могут возвращаться, руководствуясь личными или профессиональными мотивами (новая работа, бизнес, брак) без оглядки на семью. Семейные с детьми заинтересованы в условиях для воспитания

и образования детей. Семейные пары без детей ориентированы на комфорт и стабильность; их мотивом к возвращению может быть улучшение общего благополучия семьи. Разведённые и овдовевшие, не имея супружеских обязательств, также относительно мобильны; мотивом вернуться для них может стать желание начать новую жизнь или воссоединиться с родственниками на родине.

5. Профессиональная сфера: высококвалифицированные специалисты (наука, IT, медицина, инженерия), среднеквалифицированные (промышленность, строительство, сфера услуг), низкоквалифицированные (сельское хозяйство, неквалифицированный труд), а также отдельные категории — творческие деятели (артисты, писатели, художники и спортсмены). Основные различия между этими группами — уровень и стабильность дохода, а также требования к профессиональной среде. Высококвалифицированных специалистов и предпринимателей могут привлечь возможности развития бизнеса и карьеры в России (инвестиционный климат, реализация проектов). Представители творческих профессий и спорта заинтересованы возвращаться, если на родине созданы условия для самореализации (развитая индустрия, инфраструктура для тренировок и выступлений). Низкоквалифицированные мигранты скорее ориентированы на базовые экономические мотивы — поиск приемлемого заработка и улучшение условий жизни.

6. Социально-экономический статус: по этому критерию потенциальные репатрианты дифференцируются на наёмных работников, самозанятых (включая фрилансеров), малых, средних и крупных предпринимателей, научных сотрудников и преподавателей, студентов, рантье, лиц, занятых в неформальном секторе, иждивенцев (на содержании государства или родственников), а также безработных (активно ищущих работу и не ищущих, включая пенсионеров и домохозяек). Мотивы возвращения различаются в зависимости от источника и уровня доходов. К примеру, предпринимателей может привлечь благоприятная

бизнес-среда или новые рынки в России; учёных и студентов — возможности исследований и образования; тех, кто живёт на пособия — государственная поддержка; безработных — шанс трудоустройства или более высокий уровень жизни.

7. Перспективы для детей: те, у кого есть дети, а также родители уже взрослых детей, принимают решение «вернуться или остаться» с учётом интересов потомков. Желание дать детям образование и воспитание на Родине может стать стимулом для репатриации. У мигрантов без детей подобная мотивация отсутствует, поэтому этот фактор увеличивает репатриационный потенциал у семейных мигрантов.

8. Экономическая ситуация страны пребывания: если в стране пребывания экономический кризис, люди начинают искать стабильные условия и могут вернуться в поисках дохода. В стабильной ситуации внешних «толчков» к возвращению меньше, поэтому решающую роль играют личные факторы (например, ностальгия, семейные обстоятельства). Если же экономика принимающей страны на подъёме, у мигранта скорее сработает амбициозный мотив — вернуться на родину, только если там предоставляется ещё более перспективные возможности для самореализации или бизнеса.

9. Миграционная политика страны пребывания: различаются режимы ужесточения, либерализации или сокращения иммиграции в стране, где живёт мигрант. При ужесточении миграционного режима (например, введении ограничений для иностранцев, росте ксенофобии) репатрианты стремятся вернуться, чтобы избежать дискриминации или неблагоприятного отношения. В странах с либеральной миграционной политикой мигранты чувствуют себя комфортнее, поэтому внешние мотивы почти отсутствуют и решение о возвращении принимается по личным причинам. Если же государство целенаправленно сокращает число иммигрантов (например, квотами или другими мерами), у иностранцев появляется страх депортации или неопределённости статуса, что может подтолкнуть их вернуться домой.

10. География проживания (регион исхода диаспоры): здесь можно выделить мигрантов, проживающих: 1) в странах СНГ (бывшего СССР); 2) в Европе, Северной Америке или Австралии; 3) в странах Азии, Африки и других регионах. Такая региональная градация важна из-за культурно-географической удалённости от России. Выходцы из стран СНГ обычно имеют более глубокие связи с Россией (язык, родственные отношения, общее историческое прошлое), поэтому их психологический барьер для возвращения ниже. Эмигранты, обосновавшиеся в Европе или Северной Америке, как правило, успели адаптироваться к «западному» образу жизни и часто обладают высокой мобильностью; степень их ностальгии ниже, однако при прочих равных они легче реинтегрируются в России благодаря близости культурных ценностей. Мигранты из стран Азии и Африки нередко сталкиваются с более серьёзными трудностями адаптации в чужой среде, а их связи с Россией могут со временем ослабевать, что снижает вероятность возвращения (хотя в некоторых случаях, напротив, трудности жизни в сильно отличающихся культурах стимулируют вернуться на родину).

11. Этническая и культурная идентичность: потенциальные репатрианты бывают этническими русскими, русскоговорящими другого происхождения или не принадлежащими к русской культуре. Как правило, стремление к возвращению обратно пропорционально степени их идентичности с Россией. Этнические русские и близкие им группы (например, потомки смешанных браков, выросшие в русской культуре) имеют наиболее высокий репатриационный потенциал. Русскоязычные иной национальности (например, выходцы из союзных республик, для которых русский — язык обучения) также могут быть заинтересованы в репатриации, особенно если ощущают связь с российским культурным полем. Те же, кто слабо связан с русской культурой, возвращаются редко или по исключительно личным обстоятельствам.

12. Правовой статус за рубежом: сюда входит статус мигранта в стране прожива-

ния — гражданин этой страны, обладатель двойного гражданства, постоянный резидент (вид на жительство) либо нелегальный мигрант. Этот критерий определяет степень защищённости прав мигранта за границей и, соответственно, его мотивацию вернуться. Натурализованные граждане иностранных государств обычно социально и экономически устроены, поэтому для возвращения у них должны быть серьёзные личные причины (семейные обстоятельства, ностальгия, идеологические убеждения). Мигранты с двойным гражданством имеют возможность свободно жить и в России, и за рубежом; их возвращение может мотивироваться стремлением улучшить свой статус в России или желанием воспользоваться преимуществами обоих статусов. Обладатели вида на жительство за границей нередко рассматривают возвращение как способ получить более прочный статус (особенно если возникают трудности с продлением резиденции или получением гражданства в чужой стране). Для нелегальных мигрантов репатриация бывает вынужденной — их толкает домой страх депортации, угрозы наказания или отсутствие легальных возможностей устроиться в стране пребывания.

13. Уровень владения русским языком: различаются группы, которые свободно владеют русским языком, владеют частично (понимают разговорную речь, но испытывают затруднения с письменным или профессиональным языком) и не владеют русским. Здесь прямая корреляция с репатриационным потенциалом: чем лучше человек знает язык, тем легче ему будет вернуться и интегрироваться. Соотечественники, свободно говорящие по-русски (даже если родились за границей), имеют высокий потенциал возвращения. Те, кто утратил язык или изначально не знал его, сталкиваются с большим барьером — их потенциал низкий, если только они не мотивированы выучить язык ради переезда.

Перечисленные 13 критериев легли в основу предлагаемой классификации. На их пересечении формируется матрица, позволяющая отнести любого конкретного ми-

гранта-репатрианта к определённым типу или группе. Для наглядности разработана таблица типологии репатриантов (табл. 1), где по каждому критерию указаны выделенные категории и оценка репатриационного потенциала. Таблица суммирует изложенные выше положения и служит обобщающим элементом концептуальной модели.

В тексте статьи обоснован выбор указанных показателей и каким образом каждый из них влияет на потенциал возвращения. Следует отметить, что каждая категория мигрантов характеризуется собственными особенностями и преобладающими мотивами репатриации.

Таблица 1

Типология мигрантов-репатриантов

Table 1

Typology of migrant repatriates

№	Критерий (основание классификации)	Категории мигрантов	Оценка репатриационного потенциала
1	По продолжительности проживания за границей	Новосёлы (до 3 лет)	Очень высокий
		Краткосрочные мигранты (4–7 лет)	Высокий
		Среднесрочные мигранты (8–15 лет)	Умеренный
		Долгосрочные мигранты (более 15 лет)	Низкий
2	По успешности интеграции	Высокоинтегрированные мигранты	Низкий
		Частично интегрированные мигранты	Умеренный
		Неинтегрированные мигранты	Высокий
3	По возрастным группам	Молодёжь (18–35 лет)	Высокий
		Средний возраст (36–55 лет)	Высокий
		Старший трудоспособный (56–72 года)	Умеренный
		Пожилые (старше 72 лет)	Умеренный
4	По семейному положению	Одиночки (не в браке)	Умеренный
		Семейные с детьми	Высокий
		Семейные без детей	Умеренный
5	По профессионально-квалификационной позиции	Разведённые/вдовцы	Умеренный
		Высококвалифицированные специалисты	Умеренный
		Творческие работники и спортсмены	Умеренный
6	По социально-экономическому статусу	Среднеквалифицированные работники	Высокий
		Низкоквалифицированные работники	Высокий
		Наёмные работники	Умеренный
		Самозанятые, фрилансеры	Умеренный
		Малые/средние предприниматели	Высокий
		Крупные предприниматели (инвесторы)	Умеренный
		Научные сотрудники, преподаватели	Высокий
		Обучающиеся (студенты)	Умеренный
		Рантье	Низкий
		Занятые в неформальном секторе	Высокий
		Иждивенцы государства	Низкий
		Иждивенцы семьи/третьих лиц	Умеренный
		Безработные, ищущие работу	Очень высокий
Безработные, не ищущие работу	Умеренный		
7	По перспективам для детей	С детьми школьного возраста	Высокий
		С детьми дошкольного возраста	Умеренный
		Без детей или с взрослыми детьми	Низкий

8	По экономической ситуации в стране пребывания	Из стран с ухудшающейся экономикой	Высокий
		Из стран со стабильной экономикой	Низкий
		Из стран с растущей экономикой	Умеренный
9	По миграционной политике страны пребывания	Страны с ужесточением миграционной политики	Высокий
		Страны с либеральной миграционной политикой	Низкий
		Страны, сокращающие иммиграцию	Высокий
10	По географическому региону проживания	Страны СНГ	Высокий
		Европа, Северная Америка, Австралия	Низкий
		Азия, Африка, Латинская Америка	Умеренный
11	По этнокультурной идентичности	Этнические русские	Высокий
		Русскоязычные нерусской национальности	Умеренный
		Не связанные с русской культурой	Низкий
12	По правовому статусу за рубежом	Граждане принимающей страны	Низкий
		Мигранты с двойным гражданством	Умеренный
		Обладатели вида на жительство	Умеренный
		Нелегальные мигранты	Высокий
13	По владению русским языком	Свободно владеющие русским	Высокий
		Частично владеющие русским	Умеренный
		Не владеющие русским	Низкий

Источник: составлено авторами.

Важно подчеркнуть, что подход интегральный не только при их совместном рассмотрении по охвату критериев, но и по идее учёта комбинации факторов. Реальные мигранты принадлежат одновременно ко многим категориям. Например, потенциальный репатриант может быть: 32-летним (молодёжь), прожившим 5 лет за границей (краткосрочный мигрант), частично интегрированным, состоящим в браке, с одним маленьким ребёнком, высококвалифицированным IT-специалистом, работающим по найму, живущим в Европе, гражданином Германии, свободно владеющим русским языком и являющимся этническим русским. Такой портрет объединяет много признаков, и только рассматривая их вместе, можно оценить его суммарный репатриационный потенциал. В данном примере многие факторы благоприятствуют возвращению (относительная «молодость», наличие ребёнка — мотивация вернуть в русскоязычную среду, частичная интеграция — есть причины искать лучшей самореализации, этническая и языковая связь), а другие препятствуют (высокая квалификация и комфортная жизнь на Западе). Ком-

плексная типология позволяет выделить подобных людей как перспективную группу и подумать, какие условия способны перевесить чашу весов в пользу возвращения (например, предложить высокотехнологичную работу в России, жилищную программу для молодых семей и подобное). Таким образом, разработанная типология представляет собой инструмент многоуровневой классификации, охватывающий и индивидуальные характеристики мигрантов, и контекст их жизни за рубежом.

Оценка репатриационного потенциала на основе классификации

Разработанная типология носит не только качественный, но и прикладной характер: она предоставляет основу для количественной оценки репатриационного потенциала. Под репатриационным потенциалом в широком смысле понимается число мигрантов, которые при определённых условиях готовы вернуться на родину. Используя классификацию, можно проводить более точные расчёты этого показателя, чем при традиционных методах.

Применяя вышеописанную типологию, репатриационный потенциал разных групп мигрантов можно разделить на четыре уровня вероятности возвращения: 1) очень высокий: мигранты, которые с большой вероятностью могут вернуться в Россию в ближайшее время (практически готовы к переезду); 2) высокий: мигранты, которые вернутся при наличии определенных условий; 3) умеренный: мигранты, способные принять решение о возвращении только при появлении серьезных стимулов или существенных изменений в их жизни; 4) низкий: мигранты, которые с малой вероятностью вернутся в обозримом будущем (их жизненная траектория в основном связана с зарубежьем).

Предлагаемая классификация служит инструментом оценки и может быть адаптирована не только для России, но и для других стран при небольших модификациях — с учётом специфики соответствующих диаспор. Важно отметить, что комбинация факторов может усиливать или ослаблять общий потенциал репатриации. Например, высокий профессиональный статус вместе с ностальгией и наличием российского гражданства резко увеличивают шансы возвращения, тогда как отсутствие знания языка при прочих равных их снижает. Кроме того, на решения мигрантов влияют динамические факторы — изменения в личной жизни (рождение детей, потеря работы, выход на пенсию) или во внешней среде (экономическая ситуация, политические условия, новые программы поддержки репатриантов). Рождение ребёнка у эмигрантов может усилить желание оформить ему российское гражданство и вернуться на Родину. Улучшение экономической конъюнктуры в России, появление социальных программ (предоставление жилья или пособий) повышает привлекательность возвращения, особенно для семей среднего возраста. Таким образом, оценка репатриационного потенциала должна учитывать не только статические характеристики мигранта, но и внешние перемены, способные скорректировать его планы.

Заключение

Проведённое исследование показало, что возвращение эмигрантов и их потомков — явление многогранное, и эффективно управлять им можно лишь на основе научно обоснованной классификации, учитывающей ключевые характеристики мигрантов. Предложенная типология из 13 критериев объединяет демографические, социально-экономические, культурно-идентификационные и институциональные измерения. Она позволяет описывать потенциальных репатриантов как носителей совокупности признаков и на этой основе оценивать их поведенческие тенденции и репатриационный потенциал.

Предложенный подход является комплексным и междисциплинарным. Предпринята попытка интегрировать в единую схему типологии факторы, отражающие мотивацию, ресурсы и правовые возможности мигрантов, а также контекст их жизни за рубежом. Такой интегральный взгляд обеспечивает методический мост между качественным анализом (кто есть кто среди мигрантов) и количественной оценкой репатриационного потенциала. Типология разработана с учётом конкретно российской специфики и целей возвратной миграции. Но вместе с тем универсальна, поскольку аналогичные критерии могут быть адаптированы для оценки процессов репатриации в других странах.

Полученные результаты, а именно, предлагаемая типология применима для актуализации миграционной политики, в части её репатриационной составляющей, планирования и реализации репатриационных программ. С теоретической точки зрения, исследование предлагает новую модель анализа потенциала возвратной миграции. С практической точки зрения, типология выступает инструментом, позволяющим целенаправленно планировать меры по стимулированию возвращения.

Литература и Интернет-Источники

1. **Воробьева, О. Д.** Основные подходы к оценке масштабов расселения русскоговорящего населения за рубежом / О.Д. Воробьева, А.А. Субботин, С.Н. Мишук // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. — № 5. — С. 219–231. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.12; EDN: WWMEMM
2. **Гришанова, А.Г.** Миграционный потенциал: теоретические аспекты / А.Г. Гришанова, Н.И. Кожевникова // Народонаселение. — 2016. — № 1–1(71–1). — С. 42–51. EDN: VWEUGB
3. **Трегубова, Е. А.** О проблемах реализации программы переселения соотечественников / Е.А. Трегубова // Вестник науки. — 2020. — № 9(30). — С. 37–43. EDN: QPTAVN
4. **Рязанцев, С.В.** Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал / С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная, М.Н. Храмова // Народонаселение. — 2015. — № 2. — С. 64–73. EDN: TZFRPN
5. **Рязанцев, С.В.** Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности Центральной Азии / под общ. ред. С.В. Рязанцева. — Алматы: MOM, 2020. — 242 с. EDN: CXСВЕА
6. **Леденева, В.Ю.** Влияние миграционного потенциала на экономическое и демографическое развитие стран-доноров и стран-реципиентов / В.Ю. Леденева, А.Х. Рахронов // Вестник МГИМО-Университета. — 2023. — Т. 16. — № 6. — С. 250–269. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269; EDN: PUEKNQ
7. **Ясилевич, Ю.П.** Почему иммиграционный статус категории «носитель русского языка» не состоялся / Ю.П. Ясилевич // Постсоветский материк. — 2024. — № 4(44). — С. 53–64. DOI: 10.48137/23116412_2024_4_53; EDN: CVRKВX
8. **Зайка, К.В.** Диаспорические и иммигрантские сообщества / К.В. Зайка // Мировая экономика и международные отношения. — 2009. — № 10. — С. 74–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2009-10-74-80; EDN: LGNITH
9. **Лошкарёв, И.Д.** Эволюция понятия «диаспора» в политической науке / И.Д. Лошкарёв // Этносциум и межнациональная культура. — 2017. — № 4(106). — С. 70–78. EDN: YUNTCL
10. **Рыбаковский, Л.Л.** Классификация миграции: основания и таксоны / Л.Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2016. — № 3(73). — С. 4–16. EDN: WWRJVN
11. **Рыбаковский, Л.Л.** История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. — Москва : Экон-Информ, 2017. — 234 с.
12. **Рязанцев, С. В.** «Наши» за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию / С.В. Рязанцев, А.А. Гребенюк. — Москва : ИСПИ РАН, 2014. — 238 с. EDN: TSGBUF
13. **Ковалев, М.П.** Репатриация как вид миграции: методологические проблемы исследования / М.П. Ковалев // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 327. — С. 42–44. EDN: KXXRAF
14. **Безбородова, Т. М.** К вопросу типологизации миграционных процессов / Т.М. Безбородова, И.С. Метелев // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2010. — № 4(26). — С. 391–399. EDN: NEGPMT
15. **Осадчая, Г.И.** Оценка потенциала диаспоры в формировании социально-экономического благополучия мигрантов из Армении в России / Г.И. Осадчая, М.Л. Варганова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2023. — Т. 16. — № 6. — С. 208–222. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.12; EDN: WLPUDF
16. **Cerese, F.P.** Expectations and Reality: A Case Study of Return Migration from the United States to Southern Italy / F.P. Cerese // International Migration Review. — 1974. — Vol. 8. — No. 2. — P. 245–262. DOI: 10.2307/3002783
17. **Cassarino, J.-P.** Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited / J.-P. Cassarino // International Journal on Multicultural Societies. — 2004. — Vol. 6, No. 2. — P. 253–279. DOI: 10.1590/S1980-85852013000200003

Сведения об авторах:

Воробьева Ольга Дмитриевна, д.э.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник, ИСД ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1304-3715; РИНЦ SPIN-код: 6059-0372.

Субботин Александр Алексеевич, к.соц.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: aasubbotin@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-5016-0473; РИНЦ SPIN-код: 1124-8020.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-40-54

INTEGRAL TYPOLOGY OF THE REPATRIATION POTENTIAL OF RUSSIA

Olga D. Vorobieva^{1,2}, Alexander A. Subbotin^{1*}

¹Lomonosov Moscow State University
(1 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991)

²ISD FCTAS RAS
(6, bldg. 1 Fotievoy str., Moscow Russia, 119333)

*E-mail: aasubbotin@yahoo.com

Funding:

The study was funded by RSF grant (project No. 24-28-01328). URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01328/>.

For citation:

Vorobieva O. D., Subbotin A. A. Integral typology of the repatriation potential of Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 40-54. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-40-54 (in Russ.)

Abstract. *The article substantiates the need to develop a new comprehensive typology of repatriates aimed at assessing and enhancing their repatriation potential. The relevance of the study is determined by the current demographic challenges confronting Russia, such as depopulation and the outflow of skilled labor. Under these conditions, repatriation is viewed as a potential source for replenishing human capital and mitigating demographic imbalances. The paper provides an overview of Russian and foreign research on repatriation and identifies the limitations of narrow classifications focused solely on specific aspects — legal status, duration of stay abroad, or motives for departure and return. The analysis reveals gaps in the existing approaches and identifies key parameters that should be considered when studying the phenomenon of repatriation. Special attention is paid to a comprehensive examination and classification of the factors influencing the willingness to return. This classification considers not only migrants' motivations but also their resources (human, social, and economic capital), legal opportunities, and living conditions abroad. The authors propose an original typology of repatriates based on 13 complementary criteria encompassing the key characteristics of potential returnees. Each criterion is substantiated in terms of its influence on the likelihood of return and successful reintegration in the home country. The findings expand theoretical understanding of the structure of repatriation processes and can serve as a foundation for developing analytical and forecasting tools in this field. The results may be applied in designing approaches to assessing and predicting Russia's repatriation potential.*

Keywords: *international migration, return migration, repatriates, repatriation potential, migrant typology, diaspora, migration policy.*

References and Internet sources

1. Vorobieva O.D., Subbotin A.A., Mishchuk S.N. Osnovnyye podkhody k otsenke masshtabov rasseleniya russkogovoryashchego naseleniya za rubezhom [Main approaches to assessing the scale of settlement of Russian-speaking population abroad]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2024. Vol. 17. No. 5. P. 219–231. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.12 (in Russ.)
2. Grishanova A.G., Kozhevnikova N.I. Migratsionnyj potentsial: teoreticheskiye aspekty [Migration potential: theoretical aspects]. *Narodonaselenie [Population]*. 2016. No. 1–1 (71–1). P. 42–51. (in Russ.)
3. Tregubova E.A. O problemakh realizatsii programmy pereseleniya sootvetstvennikov [On the problems of implementing the Program of Resettlement of Compatriots]. *Vestnik nauki [Bulletin of Science]*. 2020. No. 9(30). P. 37–43. (in Russ.)
4. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Khramova M.N. Vozvratnaya migratsiya sootvetstvennikov v Rossiyu: sushchestvuet li migratsionnyj potentsial [Return migration of compatriots to Russia: is there a migration potential]. *Narodonaselenie [Population]*. 2015. No. 2. P. 64–73. (in Russ.)
5. Vozvratnaya migratsiya: mezhdunarodnyye podkhody i regional'nyye osobennosti Tsentral'noy Azii [Return Migration: International Approaches and Regional Features of Central Asia]. Ed. S.V. Ryazantsev. Almaty. MOM [IOM]. 2020. 242 p. (in Russ.)
6. Ledeneva V. Yu., Rakhmonov A. Kh. Vliyaniye migratsionnogo potentsiala na ekonomicheskoye i demograficheskoye razvitie stran-donorov i stran-retsipientov [The impact of migration potential on the economic and demographic development of donor and recipient countries]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*. 2023. Vol. 16. No. 6. P. 250–269. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269 (in Russ.)
7. Yasilevich Yu. P. Pochemu immigratsionnyj status kategorii «nositel' russkogo yazyka» ne sostoyalysya [Why the immigration status of the category «native speaker of the Russian language» failed]. *Postsovetskiy materik [Post-Soviet Continent]*. 2024. No. 4(44). P. 53–64. DOI: 10.48137/23116412_2024_4_53 (in Russ.)
8. Zaika K.V. Diasporicheskiye i immigrantskiye soobshchestva [Diaspora and immigrant communities]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]*. 2009. No. 10. P. 74–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2009-10-74-80 (in Russ.)
9. Loshkaryov I.D. Evolyutsiya ponyatiya «diaspora» v politicheskoy nauke [Evolution of the concept of «diaspora» in political science]. *Etnosotsium i mezhdunarodnaya kul'tura [Ethnosocium and Interethnic Culture]*. 2017. No. 4(106). P. 70–78. (in Russ.)
10. Rybakovsky L.L. Klassifikatsiya migratsii: osnovaniya i taksony [Classification of migration: base and taxons]. *Narodonaselenie [Population]*. 2016. No. 3(73). P. 4–16. (in Russ.)
11. Rybakovsky L.L. Istoriya i teoriya migratsii naseleniya. Kn. 2: Migratsiya naseleniya: yavleniye, ponyatiye, determinanty [History and Theory of Population Migration. Book. 2: Population Migration: Phenomenon, Concept, Determinants]. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2017. 234 p. (in Russ.)
12. Ryazantsev S.V., Grebenyuk A.A. «Nashi» za granitsey. Russkiye, rossiyane, russkogovoryashchiye, sootvetstvenniki: rasseleniye, integratsiya i vozvratnaya migratsiya v Rossiyu [«Ours» Abroad. Russians, Russian-Speaking People, Compatriots: Settlement, Integration, and Return Migration to Russia]. Moscow. ISPI RAN [ISPR RAS]. 2014. 238 p. (in Russ.)
13. Kovalev M.P. Repatriatsiya kak vid migratsii: metodologicheskiye problemy issledovaniya [Repatriation as a type of migration: methodological issues of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2009. No. 327. P. 42–44. (in Russ.)
14. Bezborodova T.M., Metelev I.S. K voprosu tipologizatsii migratsionnykh protsessov [On the issue of migration processes typologization]. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Transforming the Economy]*. 2010. No. 4(26). P. 391–399. (in Russ.)

15. Osadchaya G.I., Vartanova M.L. Otsenka potentsiala diaspory v formirovanii sotsial'no-ekonomicheskogo blagopoluchiya migrantov iz Armenii v Rossii [Assessing the potential of the diaspora in the formation of socio-economic well-being of migrants from Armenia in Russia]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2023. Vol. 16. No. 6. P. 208–222. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.12 (in Russ.)
16. Cerase F.P. Expectations and reality: a case study of return migration from the United States to Southern Italy. *International Migration Review*. 1974. Vol. 8. No. 2. P. 245–262. DOI: 10.2307/3002783
17. Cassarino J.-P. Theorizing return migration: the conceptual approach to return migrants revisited. *International Journal on Multicultural Societies*. 2004. Vol. 6. No. 2. P. 253–279. DOI: 10.1590/S1980-85852013000200005

Information about the authors:

Vorobieva Olga Dmitrievna, Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University; Chief Researcher, ISD FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1304-3715; Elibrary SPIN-code: 6059–0372.

Subbotin Alexander Alekseevich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: aasubbotin@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-5016-0473; Elibrary SPIN-code: 1124–8020.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025, утверждена 16.02.2026, опубликована 31.03.2026.